

КАНОНЫ ХАЛКИДОНСКОГО СОБОРА КАК ОБОСНОВАНИЕ ПРАВ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПРЕСТОЛА НА ДИАСПОРУ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ 20 - нач. 21 в.

THE CANONS OF THE COUNCIL
OF CHALCEDON AS A JUSTIFICATION
OF THE RIGHTS OF THE CONSTANTINOPLE
SEE TO THE DIASPORA IN THE RUSSIAN
ORTHODOX TRADITION
20 - early 21 century

V. Suvorov

Annotation

Of particular relevance to the Orthodox Church in the 20th century was the problem of the canonical organization of the diaspora, which is still acute. The Patriarchate of Constantinople put forward a theory on the exclusive right of the Constantinople See to jurisdiction over the entire Orthodox diaspora and new missionary territories. The Greek theologians saw the canonical substantiation of this theory in the rules of the Council of Chalcedon, among which the most important was the rule 28. The application of this theory in practice repeatedly caused conflicts in the Orthodox world, primarily between the Moscow Patriarchate and the Patriarchate of Constantinople. The article contains a study in the historical context and comparative analysis of positions on this issue expressed in official documents of the Moscow Patriarchate and the works of Russian Orthodox theologians of different jurisdictional orientations – the Moscow Patriarchate, the Russian Church Abroad and the jurisdiction of Metropolitan Eulogius. The main factors that conditioned the conversion of Russian Orthodox theologians to this topic and influenced their positions were revealed.

Keywords: History of the Orthodox Church, canon law, Chalcedon Council, Orthodox Diaspora, Russian Orthodoxy, inter-Orthodox relations.

Суворов Вадим Геннадьевич

*Протоиерей, к.богословия,
соискатель степени доктора богословия,
общецерковная докторантура им. святых
равноапостольных Кирилла и Мефодия,
преподаватель, Коломенская духовная
семинария*

Аннотация

Особую актуальность для Православной Церкви в 20 столетии приобрела проблема канонического устройства диаспоры, которая остро стоит до сих пор. Константинопольским Патриархатом была выдвинута теория об исключительном праве Константинопольского Престола на юрисдикцию над всей православной диаспорой и новыми миссионерскими территориями. Каноническое обоснование данной теории греческие богословы видели в правилах Халкидонского Собора, среди которых наибольшее значение приобрело правило 28. Применение этой теории на практике неоднократно вызывало конфликты в православном мире, прежде всего – между Московским и Константинопольским Патриархатами. В статье проведено исследование в историческом контексте и сравнительный анализ позиций по данному вопросу, выраженных в официальных документах Московского Патриархата и трудах русских православных богословов разных юрисдикционных направлений – "московского", "карловацкого" и "евлогианского". Выявлены основные факторы, обусловившие обращение русских православных богословов к данной теме и повлиявшие на их позиции.

Ключевые слова:

История Православной Церкви, каноническое право, Халкидонский Собор, православная диаспора, русское православие, межправославные отношения.

Каноническое устройство православной диаспоры сегодня является одной из острых и пока не решенных проблем, включенных в перечень тем гонящегося уже почти на протяжении столетия Всеправославного Собора.

С 20-х годов 20 столетия Константинопольский Патриархат стал развивать теорию о якобы принадлежащем ему исключительном праве на юрисдикцию над всей православной диаспорой и новыми миссионерскими территориями. В качестве канонического обоснования данной теории греческие богословы приводили ссылки на 9, 17 и 28-е правила Халкидонского Собора, в кото-

рых закреплялись особые канонические полномочия за Константинопольским архиепископом.

В качестве главного аргумента выдвигалось 28-е правило Халкидонского Собора, утверждавшее право Константинопольского Престола поставлять митрополитов Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов, а также рукополагать епископов у иноплеменников перенесенных областей

(*εν τοις βαρβαρικοις Επισκοποις των
προετημενων διοκησεων*) [10, с. 244].

Выражение «*εν τοις βαρβαρικοις*» (буквально: "у варваров") сторонники данной теории стали толковать расширительно – в том смысле, что Константинопольскому патриарху должны быть подчинены все епископы новых миссионерских территорий и стран, не имеющих своей Поместной Православной Церкви, – там, где православные христиане находятся в окружении преобладающего нехристианского или неправославного населения.

Такое понимание 28-го халкидонского канона и обусловленные им претензии на диаспору на протяжении прошедшего столетия вызывали многочисленные конфликты в православном мире, прежде всего – между Москвой и Константинополем. Московский Патриархат неоднократно в своих официальных документах выступал с критикой данного толкования халкидонских канонов. "Эти притязания никогда не признавались Русской Церковью, как исторически и канонически несостоятельные" [2, с. 67–68].

В 1931 г. в связи с ситуацией, сложившейся вокруг митрополита Евлогия (Георгиевского), перешедшего в юрисдикцию Константинопольского Патриархата, митрополит Сергей (Страгородский) обратился с посланием к Константинопольскому Патриарху, где оспорил ссылки на 28-й Халкидонский канон и утверждения о том, что территория Западной Европы, где возникло "дело митрополита Евлогия", подчинена юрисдикции Константинопольского Патриарха: "28-е правило IV Вселенского Собора совершенно точно определяет границы Константинопольского Патриархата: Фракия, Понт и проконсульская Азия и епархии "у иноплемеников вышереченных областей, то есть по Вальсамону, Аланов и Россов, потому что аланы принадлежат к Понтийскому округу, а россы к фракийскому", – другими словами, к тем округам около Черного моря, которые подчинены Константинополю. Варварские страны Западной Европы: Германия, Британия и другие – всегда принадлежали патриарху Римскому, хотя некоторые из них получили христианство непосредственно от Востока, минуя Рим. Так было до самого отпадения Римского Патриарха. После же его отпадения не было никакого общецерковного и для всех обязательного акта, которым территория Римского Патриархата присоединялась бы к Константинопольскому. Вот почему и Русская, и Элладская, и всякая другая автокефальная Церковь могла свободно учреждать в Западной Европе свои приходы и управлять ими. Никому и в голову не приходило, например, на освящение там храма испрашивать благословение Константинопольского Патриарха, как это обязательно делалось, например, в Палестине относительно Патриарха Иерусалимского или Александрийского в Египте" [12, с. 86].

Идентичная позиция была выражена многими годами позже – в начале 2000-х годов – Московским Патриархом Алексием II (Ридигером) в переписке с Константинопольским Патриархом по вопросу об окормлении православной диаспоры [7].

В апреле 2002 г. Константинопольский Патриарх Варфоломей направил Патриарху Алексию письмо, посвященное положению Архиепископии русских православных приходов в Западной Европе. В письме, в частности, утверждалось, что Константинопольская Церковь на основании 28-го правила Халкидонского Собора имеет исключительное право на окормление диаспоры, и все православные общины, образующиеся за пределами своих материнских Церквей, должны подчиняться Константинопольскому Патриархату. В письме говорилось, что на основании 28-го Халкидонского правила в область ответственности Вселенского Патриархата якобы вошла Западная Европа "и, по сути, все новооткрываемые земли Америки и Австралии" [7].

В ответном письме Патриарх Алексий выразил категорическое несогласие с подобной трактовкой проблемы диаспоры и изложил взгляд Московского Патриархата на смысл 28-го халкидонского правила.

Согласно изложенному в письме подходу, 28-й халкидонский канон действительно определяет область ответственности Патриаршего Престола Константинопольской Церкви, ограничивая ее древними Асийским, Фракийским и Понтийским диоцезами, то есть областями, ныне принадлежащими Турции, Болгарии и Греции. Однако из этого вовсе не следует, что Константинопольскому Патриархату должна быть подчинена каждая область, не относящаяся к какому-либо другому Патриаршему Престолу. Халкидонское правило подчиняет Константинопольскому Престолу епископов у варваров только "вышереченных областей", то есть живших в диоцезах Понтийском, Асийском и Фракийском. Кроме того, в каноне речь идет не о диаспоре, но об автохтонных "варварских" народах, живших не в рассеянии, но на своих землях. Следовательно, каждая Автокефальная Церковь имеет те же права миссии за пределами своей канонической территории, что и другие.

17 ноября 2003 года Константинопольский Патриарх Варфоломей направил на имя Патриарха Московского Алексия новое письмо, где вновь сослался на 28-е правило Халкидонского Собора в качестве обоснования притязаний на диаспору.

В ответном послании Патриарх Алексий подтвердил выраженную ранее позицию и дополнительно указал, что 28-е правило не только не прибавило новых полномочий Константинопольскому патриарху, но напротив, носило ограничительный характер. К середине 5-го века Константинопольская Церковь принимала участие в решении различных проблем не только в епархиях Фракии и Малой Азии, которые вошли в ее юрисдикцию согласно 28-му правилу, но также Армении, Антиохии, Иллирика. Однако Халкидонский Собор не подтвердил прав Константинополя на эти земли.

В целом письма Патриарха Алексия повторяли историко-каноническую аргументацию, ранее изложенную в трудах проф. С.В. Троицкого – русского канониста дореволюционной школы, эмигранта, перешедшего в 1945 г.

в Белграде в юрисдикцию Московского Патриархата.

Троицкий стал одним из первых православных канонистов, кто серьезно и обстоятельно начал критиковать константинопольскую теорию о диаспоре почти с самого начала ее появления. На разработанную им аргументацию впоследствии опирались как богословы Московского Патриархата (см., например: [13]), так и Русской Зарубежной Церкви. Архиепископ Петр (Л'Юилье) в своем исследовании 1980-х гг., посвященном правилам первых четырех Вселенских Соборов, признавал, что и в конце столетия аргументы Троицкого относительно халкидонских канонов "вполне сохраняют силу" [8, с. 467].

Выступив в начале 20-х гг. против претензий Константинополя, Троицкий стремился защитить права эмигрировавших за границу русских епископов, оказавшихся в условиях рассеяния. Будучи в должности канонического эксперта Сербской Церкви, Троицкий также принимал участие в защите Сербской Церкви от попыток Константинополя подчинить себе ее епархии и приходы за пределами Югославии. Позднее, перейдя в юрисдикцию Московского Патриархата, Троицкий использовал те же аргументы для защиты позиций Москвы в ее спорах о первенстве с Константинопольским Престолом.

В 1922 г. по инициативе Патриарха Мелетия IV (Метаксакиса) Священный Синод Константинопольской Церкви принял решение об обязательном и исключительном подчинении Константинопольской Церкви всей православной диаспоры [1, с. 31]. А уже в 1923 г. вышли в свет сразу две статьи Троицкого, посвященные вопросу юрисдикции Константинопольского патриарха вне границ Автокефальных Церквей [17; 16].

В этих работах Троицкий доказывает, что 28-е халкидонское правило не предоставляло Константинопольскому Престолу права посылать всех епископов у "иноплеменников", но "только вышереченных областей", т.е. Понтийского, Асийского и Фракийского диоцезов. Исключительная привилегия Константинополя была бы невозможна и по существу, ибо она лишила бы права миссии все остальные автокефальные Церкви, не исключая Римской, которая в том же правиле была поставлена выше Константинопольской.

Халкидонский Собор впервые формально подчинил Константинополь три диоцезальные митрополии, которые до этого долгое время пользовались церковной автокефалией. Это подчинение выразилось, во-первых, в том, что митрополиты названных диоцезов стали поставляться не собственными Соборами, а Константинопольским патриархом. Во-вторых, потеряв права автокефалии, эти диоцезы потеряли и связанное с автокефалией право самостоятельно устраивать миссию в варварских странах, управлять в случае малочисленности местных епископов этими странами и посылать туда епископов-миссионеров. По убеждению Троицкого, 28-е правило вовсе не давало Константинопольскому Престолу исключительного права посылать епископов *in partes infidelium* (лат.: "в чужие края") и не лишало все остальные автокефальные Церк-

ви исконно присущего им и подтвержденного 2-м правилом II Вселенского Собора права делать то же. Халкидонский канон даже частично не ограничил это право у какой-либо автокефальной Церкви в пользу Константинополя, а лишь отнял это право у трех Церквей, переставших быть автокефальными, и передал его Константинопольскому Престолу, которому подчинились эти Церкви. И передал в том именно объеме, в котором эти три Церкви – Понтийская, Асийская и Фракийская – имели его [16, с. 359].

Троицкий делает вывод: "Все автокефальные церкви имеют право беспрепятственно ставить епископов вне границ остальных православных церквей, поскольку этим не нарушаются права, приобретенные давностью в данной области другою церковью, и поскольку известная, находящаяся вне этих границ, церковь не созрела для самоуправления" [16, с. 362]. Это положение, по мнению Троицкого, есть положение не только церковного, но и Божественного права, поскольку оно вытекает из заповеди Спасителя "Идите и научите все народы" (Мф. 18, 19).

В статье "Размежевание или раскол?" (1932) Троицкий отмечает, что "несправедливые притязания Константинополя находят для себя поддержку среди других греческих церквей, например, Александрийской и Элладской, руководящихся более мотивами национальной солидарности, чем требованиями правды Христовой и каноническим нормами" [22, с. 130].

В статье "Папистические стремления у греков" (1936) Троицкий разбирает публикацию "Что делается в Карловцах", вышедшую в официальном органе Элладской Церкви "Екклесиа" (1935, № 51–52). Греческий автор данной публикации настаивал на неканоничности Карловацкого Синода и заявлял о праве Вселенского патриарха на юрисдикцию над всей православной диаспорой.

Троицкий утверждает, что данный план подчинения всей православной диаспоры Константинопольскому Престолу "находится в явном противоречии с канонами Православной Церкви и, по своей сущности, есть настоящий восточный папизм" [20, с. 34]. Это означает, что остальные Церкви "будут лишь островами в безграничном море греческой юрисдикции"; Константинопольской Церкви будут принадлежать все миссионерские земли, где до сих пор трудились другие Церкви, и ни одна Православная Церковь, кроме Константинопольской, не будет иметь обязанности и самой возможности внешней миссии, вопреки заповеди Спасителя. Все епархии Православных Церквей, которые находятся вне государств, где находятся центры данных Церквей, должны будут перейти в юрисдикцию Константинопольской Церкви. "Разве эти чудовищные константинопольские претензии, о которых Православная Церковь не имела понятия в течение девятнадцати веков и которые сейчас элладские церкви, пользуясь тяжелым положением Русской Церкви, смело выдают за каноническое учение, не есть ли неприкрытый папизм?" [20, с. 34] – с возмущением вопрошает Троицкий. Он обвиняет "греческих папистов" в греческой цер-

ковной мегаломании, "которая хочет, во что бы то ни стало, использовать исключительно тяжелое положение Русской Церкви и навязать свою гегемонию в православном мире" [20, с. 29].

В 1947 г. в Журнале Московской Патриархии выходит статья Троицкого "О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на "диаспору"". В ней Троицкий обращается к толкованию термина и « *εν τοις βαρβαρικοις* » утверждает, что для обозначения варварских государств, находящихся, вне Римской империи употреблялся термин

« *το βαρβαρικον* » (т.е. *μερος* - варварский мир,

в противоположность миру греческому - « *το ελληνικον* ») или "barbaricum". В таком смысле употребляется этот термин в 63-м (52-м) правиле Карфагенского Собора, где говорится, что в Мавритании Соборов не было потому, что эта страна "лежит на краю Африки и сопредельна варварской земле" (« *τω βαρβαρικω ηαρακοιται* ») [19, с. 38–39]. Если бы 28-е правило IV Вселенского Собора имело в виду эти земли, в нем было бы сказано:

« *εν τω βαρβαρικω* », однако в правиле стоит

« *εν τοις βαρβαρικοις* », и значит, говорится не о варварских государствах, а о варварах, о варварских народах, живущих хотя бы и в границах Империи.

Троицкий вновь указывает на то, что Халкидонское правило говорит не о варварских народах вообще, а лишь о народах определенных – "вышереченных областей", т.е. только о варварах, живущих в Понтийском, Асийском и Фракийском диоцезах. Так как с подчинением этих трех диоцезов Константинопольскому епископу власть этого епископа сделалась для них центральной властью, к нему перешло и заведывание миссией среди диаспоры этих и только этих трех диоцезов. За Константинопольским епископом закреплялось право посылать епископов для живущих в этих диоцезах иноплеменников. Троицкий приводит мнения авторитетных канонических толкователей – Аристина, Зонары, Вальсамона и составителя алфавитной синтагмы Матфея Властаря, – которые под словом « *βαρβαρικοις* » понимают именно варварские народы, и при том только те, которые подчинены юрисдикции этих трех диоцезов, подчеркивая при этом, что варварские народы других соседних диоцезов не были подчинены этим правилом юрисдикции Константинополя, а по-прежнему остались под юрисдикцией других Православных Церквей.

Троицкий делает вывод: "Правила Вселенских Соборов (II, 2; III, 8; IV, 28 и 17) на которые ссылаются защитники новоизмышленной теории об юрисдикции Константинопольской Церкви над всей православной диаспорой, на самом деле не дают для нее никакой опоры" [19, с. 45].

В том же году в ЖМП выходит статья Троицкого "Где и в чем главная опасность?" [18], которая явилась ответом на статью "Две главные опасности", опубликованную в греческом журнале "Екклесиа" (№ 29–30 от 1 августа 1947 г.) Троицкий дает перевод с греческого языка тол-

кования "Пидалиона" на 28-е правило IV Вселенского Собора и комментариев к 9-му и 28-му правилам IV Вселенского Собора и на их основании вновь приходит к выводу, что административная юрисдикция Константинопольского Патриарха никогда не простиралась на всю православную диаспору, а лишь на диаспору немногих, соседних с подчиненными ему диоцезами варварских областей.

В 1948 г. в органе Константинопольской Патриархии "Ortodoksia" (№ 7–8–9.) вышла статья греческого профессора Эммануила Фотиадиса, которая явилась откликом на публикацию Троицкого [19]. Троицкий выступил с ответной статьей "По поводу неудачной защиты ложной теории", в которой подверг критике основные положения статьи греческого профессора. Троицкий привел свидетельства, дающие основание полагать, что 28-е правило Халкидонского Собора не расширило, а наоборот, сузило права Константинопольского епископа, рукополагавшего уже в течение 60–70 лет не только митрополитов, но и епископов в трех диоцезах, тогда как Собор дозволил ему рукополагать только митрополитов в этих диоцезах, за-претив рукополагать епископов [21, с. 30].

Аналогичную позицию выражал главный идеолог РПЦЗ прот. М. Польский. Опровергая претензии Константинопольской Патриархии на юрисдикцию над всей православной диаспорой, Польский фактически повторил аргументацию статей Троицкого по данному вопросу, на что сам Троицкий обращает внимание в своей работе [14, с. 104].

Польский считает необходимым различать каноническую территорию автокефальной Церкви от ее миссионерских территорий вне ее границ. Долг и право осуществлять миссионерскую деятельность принадлежит всем Церквам, а не одной Константинопольской. Ссылки на 28-е Халкидонское правило Польский считает безосновательными.

Согласно 28-му Халкидонскому канону, Константинопольскому Престолу повинуются "сущие в варварских землях епископы", то есть устроители новых церквей вне Византийской империи, но подчиненных уже этому Патриархату областей Понта, Азии и Фракии. Все автокефальные Церкви обладают правом иметь вне своих границ миссии, которые им подчинены. Но каноны запрещают епископу простирать свою власть на иную епархию, которая "прежде и сначала не была под рукою его или его предшественников" (III Вселенский Собор, правило 8). Польский, как и Троицкий, видит в действиях Константинополя проявление греческого папизма и империализма: "Когда же Финляндия, Польша, Эстония, Латвия или приходы Западной Европы были под властью Константинопольского патриархата? И кода в этих "варварских землях" епископы его юрисдикции устраивали новые церкви? Не захватывает ли Патриархат чужое достояние, которое ему никогда не принадлежало? Такой греческий папизм и Константинопольский империализм нарушает самую сердцевину и радость истинного устройства Все-

ленской Церкви, как братского, апостольского союза равных и свободно самоуправляющихся Поместных церквей" [9, с. 130], – пишет Польский.

Наиболее "проконстантинопольскую" позицию в данном вопросе по понятным причинам занимали русские богословы "евлогийской" ориентации. Однако, поддерживая идею преимущественной ответственности первенствующего Константинопольского Престола за диаспору, они так же не считали обоснованными ссылки на 28-й халкидонский канон для обоснования этих преимуществ.

"Нам представляется вполне соответствующим всему духу православного канонического Предания, чтобы в местах православного рассеяния, где не существует местной Православной Церкви, необходимое поместное единство было осуществлено через юрисдикцию Вселенского Патриарха как первого по чести епископа в Православной Церкви, – писал прот. А. Шмеман. – Для доказательства правильности и "православности" этой мысли не требуется ни особой канонической экзегезы, ни исторической казуистики. Даже если бы не было 28-го правила Халкидонского собора (и действительно этот канон можно толковать по-разному, и в данном случае его можно вообще не употреблять) и других прецедентов, просто тот факт, что Вселенский Патриарх есть первый епископ, дает все основания, чтобы именно он, а не кто иной, имел попечение о новых церковных образованиях, не достигших еще возраста "автокефалии" [23, с. 351].

"Вселенский Патриарх не может утвердить свое первенство попытками уверить современные православные Церкви в том, что указанные в 28-м правиле Халкидонского собора "варварские страны", в которые он должен был назначать епископов во времена Византии, – это современные западная Европа, Америка или Япония" [5, с. 181–182], – писал другой видный "евлогийанин" прот. И. Мейендорф. Отец Иоанн отмечал, что падение Византийской империи в позднем Средневековье привело на Востоке к возникновению "феномена первенства", подобно-го римско-католическому. Однако данное первенство не получило никакого экклезиологического обоснования или канонического оформления. Канонические определения прав Константинополя (в том числе Халкидонского Собора) имели явно ограниченную сферу применения и, безусловно, не могли служить оправданием подобного взгляда на всеобщий авторитет. Попытка восточного "папизма" провалилась, и на Востоке в конце концов возобладал институциональный регионализм [4, с. 297–299].

Мейендорф полагал, что в современных условиях, когда Византии больше нет, не только бессмысленно, но и вредно продолжать попытки определять права Вселенского патриарха в византийских терминах: "Нет ничего более пагубного для авторитета патриархата, чем постоянно ссылаться на 28-е правило Халкидонского Собора как на формулировку этих прав. Даже поверхностного чтения этого правила достаточно, чтобы заметить, что

первенство, данное "Новому Риму", поскольку он есть "град царя и синклита", утратило смысл в нашей ситуации и что не существует больше "варварских земель" в том значении, в котором употреблялось это словосочетание в V веке. Но действительно существует необходимость в православном первом епископе, который действовал бы так же, как епископ Рима в древности и как фактически действовал сам Константинополь в рамках ныне погибшей Византийской империи" [4, с. 341].

Похожих взглядов придерживался проф. А.В. Карташев, которого Троицкий считал "идеологом парижского раскола" [15, с. 58]. Карташев недвусмысленно отрицал монополию Константинопольской Церкви на миссионерские территории, как и попытки Константинополя обосновать эту монополию буквой халкидонских правил: "Абсурдно думать о какой-то географической монополии Римской и Греческой церкви. Старая греко-римская "икумена" скончалась. Мир законно, если угодно, канонически принадлежит всем миссионерствующим христианам" [3, с. 293–294]. Вместе с тем, позиция Карташева не всегда отличалась четкостью: в той же своей работе он признает, что вопрос о 28-м правиле Халкидонского Собора остается "живым и жгучим" внутри Восточной Церкви и до наших дней: "У нас беспрепятственно господствует национальный сепаратизм Церквей и даже при случае прямая борьба с духом и буквой 28-го правила. Острым примером борьбы с ним является полемика на страницах "Журнала Московской Патриархии" ныне ставшего советским канонистом С.В. Троицкого" [3, с. 294].

Тяжелое положение Русской Церкви в советский период, массовая русская эмиграция, сопровождавшаяся возникновением нескольких русских православных юрисдикций, распад СССР, обострение в 20 в. церковно-политического противостояния Константинополя и Москвы стали теми основными факторами, которые обусловили обращение русских православных богословов к теме диаспоры и 28-го халкидонского канона и повлияли на формирование их позиций.

Несмотря на церковные и политические разногласия между русскими богословами разных юрисдикций, в целом они оказались едиными в трактовке 28-го халкидонского канона как не являющегося основанием исключительных прав Константинопольского первоиерарха на диаспору. Позицию, выраженную в официальных документах Московского Патриархата рассмотренного периода, можно считать соответствующей русской православной богословской традиции в целом, не зависимо от фактора юрисдикционной принадлежности.

Наиболее близкими оказались позиции богословов Московского Патриархата и РПЦЗ. "Евлогийане" в целом выступали за более широкое понимание вселенских функций Константинопольского первоиерарха, в том числе в вопросе канонического устройства диаспоры, однако и они были против привлечения халкидонских канонов в качестве обоснования исключительных прав

Константинопольского Престола на диаспору. Прерогативу Константинополя в этом вопросе "евлогиане" понимали скорее как преимущественную ответственность, проистекающую из первенства, а не как исключительное право, основанное на букве халкидонских канонов и исключающее возможность других автокефальных Церквей распространять свою юрисдикцию на диаспору и новые миссионерские территории.

Нужно отметить, что толкование 28-го халкидонского канона, впервые предложенное в 20-е годы Патриархом Мелетием, встречало возражения и в греческом церковном мире [24, с. 175–176; 8, с. 466]. Однако в целом "греческие" Церкви сегодня следуют в этом вопросе позиции Константинополя. В определении "О единстве Церкви" Архиерейского Собора 2008 г. Московский Патриархат вновь выразил озабоченность по поводу концепции первенства, проявляющейся в высказываниях и дей-

ствиях некоторых представителей Константинопольской Церкви: "Отталкиваясь от не разделяемого всей полнотой Православной Церкви понимания 28 правила IV Вселенского Собора, эти иерархи и богословы развивают новую эклезиологическую концепцию, которая становится вызовом для общеправославного единства" [6]. Недавний Собор на Крите, в котором Русская и несколько других Поместных Православных Церквей отказались принять участие, назвал существующий юрисдикционный плюрализм в православной диаспоре не соответствующим "строгому каноническому порядку Церкви" [11], тем самым имплицитно приняв точку зрения Константинополя. Каноническое устройство православной диаспоры, как и различие в подходах к решению этого вопроса в греческой и русской православных традициях, продолжает оставаться актуальной проблемой не только во взаимоотношениях между Московским и Константинопольским Патриархатами, но и для Православной Церкви в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бувевский А. Патриарх Мелетий IV и Русская Православная Церковь // Журнал Московской Патриархии. 1953. №3. С. 28–35.
2. Василий (Кривошеин), архиеп. Книги о Русской Церкви // Вестник Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата. 1970. № 69. С. 64–69.
3. Карташев А.В. Вселенские Соборы. СПб.: Библиополис, 2002.
4. Мейендорф И., прот. Византийское наследие в Православной Церкви. К.: Центр православной книги, 2007.
5. Мейендорф И., прот. Современные проблемы православного канонического права // Живое предание. М.: Паломник, 2004. С. 158–204.
6. Определение освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (Москва, 24–29 июня 2008 года) "О единстве Церкви". URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428916.html> (дата обращения: 30.06.2008).
7. Переписка между Константинопольским и Московским Патриархатами по вопросу об окормлении православной диаспоры. URL: <https://mospat.ru/archive/page/official-correspondence/253.html> (дата обращения: 29.05.2015).
8. Петр (Л?Юилье), архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2005.
9. Польский М., прот. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Типография преп. Иова Почаевского в Св.–Троицком монастыре, 1948.
10. Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М.: Паломник, 2000.
11. Православная диаспора. URL: https://www.orthodoxcouncil.org/web/holy-and-great-council/-/diaspора?_101_INSTANCE_VAOWE2pZ4Y0I_languageld=ru_RU (дата обращения: 03.10.2017).
12. Сергей (Страгородский), патриарх. Послание Заместителя Константинопольскому Патриарху (от 15 октября 1931 года за № 7623) Святейшему Фотию II Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху // Журнал Московской Патриархии в 1931–1935 годы. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2001. С. 85–88.
13. Скурат К., проф. Константинопольский Патриархат и проблема диаспоры // Журнал Московской Патриархии. 1989. № 9. С. 60–63; № 10. С. 45–49.
14. Троицкий С. О неправде карловацкого раскола. Париж. 1960.
15. Троицкий С. О смысле 9-го и 17-го канонов Халкидонского Собора // Журнал Московской Патриархии. 1961. № 2. С. 57–65.
16. Троицкий С. О юрисдикции Вселенского Патриарха вне границ автокефальных церквей. Прага–Берлин: Русская мысль, 1923. Книга VI–VIII (июнь–август). С. 354–362.
17. Троицкий С. Юрисдикция Цареградского патриарха в области диаспоры // Церковные ведомости. 1923. № 11–12. С. 7; № 17–18. С. 8–12.
18. Троицкий С., проф. Где и в чем главная опасность? // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 12. С. 31–42.
19. Троицкий С., проф. О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на "Диаспору" // Журнал Московской Патриархии. 1947. № 11. С. 34–45.
20. Троицкий С., проф. Папистические стремления у греков // На страже Православия. Париж, 1936. № 2 (май). С. 29–35.
21. Троицкий С., проф. По поводу неудачной защиты ложной теории // Журнал Московской Патриархии. 1949. № 12. С. 29–54.
22. Троицкий С., проф. Размежевание или раскол? YMCA PRESS. Париж, 1932.
23. Шлеман А., прот. О "неопапизме" // Собрание статей. 1947–1983. М.: Русский путь, 2009. С. 346–353.
24. Γεννάδιος, μητρ. της Νέας Πολέως καί της Φιρής. Ιστορία του Οικουμενικού Πατριάρχαιου. Αθήνα, 1953.